

18+

РЕНАТ

ГАЖЖЕЕВ

Эгофобия

И ДРУГОЕ

Ренат Тажеев

Эгофобия и другое. Рассказы

«Издательские решения»

Тажеев Р.

Эгофобия и другое. Рассказы / Р. Тажеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-621246-6

Уверены, что хотите это прочитать? Ну, тогда пеняйте на себя. В этом небольшом сборнике собраны всего 11 небольших рассказов и очерков. Они неприятны и местами даже откровенно отталкивающие. Но всё это только потому, что они затрагивают две важные темы. Первая — это отношения людей между собой. «Ты только посмотри, что они творят друг с другом»... И вторая, конечно, — страх. Страх любви, боли, одиночества, страх жизни и смерти. Но прежде всего страх самих себя и собственных слабостей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-621246-6

© Тажеев Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Эгофобия	8
Ночной гость	10
Двое	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эгофобия и другое Рассказы

Ренат Тажеев

Дизайнер обложки Ренат Тажеев

Иллюстрации Яндекс Шедеврум Нейросеть

© Ренат Тажеев, 2024

© Ренат Тажеев, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-1246-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Это вступление будет недолгим.

Перед тобой сборник небольших рассказов, я бы даже назвал это зарисовками, которые я писал в разные моменты жизни. В основном, конечно, то были не самые удачные и светлые моменты. И тебе, дорогой читатель, это наверняка станет ясно в процессе чтения. Что ж, в какой-то степени на нечто подобное я и рассчитывал, когда решался-таки собрать все эти сочинение вместе и опубликовать их в виде такого вот крошечного памфлета. И хотя, в конечном счёте, подобные произведения должны служить только одной цели – развлекать, я искренне надеюсь, что найдётся среди этих строк и что-то, что заставит тебя о чём-то подумать, о чём-то вспомнить. Короче, напряги свой мозг хоть немного, не трать время впустую.

Должен тебя предупредить. На случай, если ты ханжа или просто душная личность с кучей фи. То, что ты собираешься прочесть, местами довольно странная и неприятная штука. По крайней мере, так не раз комментировали некоторые из этих очерков те, кто уже имел возможность их прочесть. Вполне вероятно, что это даже ты. В любом случае, тебе решать, как это воспринимать. В свою защиту скажу, что сюжеты и ситуации, описанные здесь – это всего лишь плод фантазии автора, пусть кому-то она и может показаться больной (тут должна прилагаться справка от психиатра с пометкой «здоров»).

Ах да, кстати. Чуть не забыл. Обычно об этом говорят заранее, поэтому и я, пожалуй, не буду отставать. Все события и персонажи являются вымышленными, а любые совпадения случайны. Вот. Как-то так. Ну, а ежели кого-то что-то обидит, что ж... меня это мало волнует. Приятного чтения.

Р.Т.

Эгофобия

Пусть почернеют зеркала, потому что я не хочу больше в них смотреть. Пусть отсохнет этот язык, потому что я больше не хочу слышать слова, которые слетают с него. Пусть в этих глазах навсегда поселится тьма, ибо нет сил больше видеть ими, чувствовать, как отражается в них свет. Я отрезаю от себя плоть, ведь она так чувствительная к касаниям и слишком тонка, чтобы защитить меня. Отныне мне не нужен мой собственный голос. Звучит он отвратительно, как будто что-то клокочет внутри гортани подобно кипящей ртути. Вырываясь наружу, эти звуки оглушают меня.

Руки мои слабы. Пальцы тонки и хрупки. Они похожи на паучьи ножки, такие же безобразные и так же страшно извиваются. Но избавиться от них у меня не хватает духу. Трусость моя пугает не меньше раскатов грома в летнюю ночь. Я так слаб, что ничего не могу поделать сам с собой. Вечный страх – мой обитель. Я живу в нём, и нет мне иного места. Эта погружённая во мрак комната с заколоченными окнами и дверью, запертой снаружи – всё, что у меня есть и единственное, что способно удержать меня от саморазрушения. Никаких фотографий и прочих элементов застывшей на стенах памяти здесь быть не должно.

Мне страшно думать о том, как люди способны справляться с собой. Как могут они каждый день так спокойно смотреть на своё отражения и видеть в нём только свою счастливую оболочку, за которой, как они полагают, скрывается глубокая душа? Неужели для них не очевидно, что единственные от кого исходит угроза для них – это они сами? Самая большая опасность для человека – осознание своей бесполезности.

Вот почему они так тщательно пытаются скрыть её за мимикой, выражениями радости и печали, улыбками и слезами, за макияжем и бестолковыми аксессуарами. И каждый старается показаться важнее, чем он есть. Обычный сгусток клеток, жиров и аминокислот, растраченная впустую энергия. Кожа, скрывающая дряблые или стянутые в тугий канат мышцы. Плоть, покрывающая скрипучие как старая телега кости. И органы, организованные в сложный механизм, который способен выдержать любые нагрузки, ведь в нём нет ничего лишнего, что могло бы навредить. Но только вот почему этот, казалось бы, до мелочей продуманный механизм вечно сбоит? Даёт осечки и так быстро изнашивается?

А эта кровь? Что за мерзкая красная субстанция, заполняющая каждую, даже самую мелкую и самую отдалённую часть этого организма? Ярко красная, а иногда грязно-чёрная, как будто её прогнали через коллектор, она вечно норовит вытечь откуда-нибудь стоит лишь чуть пораниться. Но сердце настойчиво качает эту кровь, с упорством вечного двигателя гонит её по кругу, чтобы не дай бог она где-нибудь не застоялась. И отдаётся это сердце в ушах оглушительными толчками, ритмами жизни. Невозможно уснуть в полной тишине. Стучит громче ударов в дверь, громче удара молота о наковальню, громче дождя, безнадежно бьющегося в окно.

Я отрываю от себя голову, больше она мне ни к чему. Если бы вы только могли прогуляться по моей голове как по какой-нибудь неизвестной планете, вы бы с ужасом для себя поняли, насколько эта планета холодная и безжизненна. А глубоко внутри неё творятся просто невообразимые вещи. Процессы нейтронных связей, электрические импульсы, разрывающие эту планету на части изнутри. Мысли. Тяжёлые и бесполезные мысли. Тысяча взрывов в секунду. Бах!

И тебя уже беспокоит совсем ничтожная, мизерная и необязательная мелочь, о которой едва стоит даже знать. Словно заноза она забуривается глубоко-глубоко в мозг и никакими средствами не скребнуть её оттуда, пока не появится такая же, мелочная и ненужная мысль. Я боюсь собственных мыслей. Боюсь не меньше своей физической составляющей. Иногда они кричат, кричат в голос, часто даже громче стука сердца, кричат и не хотят утихать. Они про-

рываются сквозь сон, сквозь тишину комнат, отражаются от стен и возвращаются ко мне уже готовые к тому, чтобы полностью меня уничтожить, извести меня, стереть.

Почему я не могу поступить с ними так же?

Я больше не могу со всем этим справляться. Меня необходимо изолировать от всех, но прежде всего от самого себя.

Ночной гость

Он явился ко мне едва наступила полночь.

Я не слышал, как он приближался ко мне, но пытался, хоть и смутно, словно сквозь веки, различить очертания его вытянутого тела. Он плавно, подобно невесомой тени, пересёк мою палату. Мне самому показалось странным то, что я не впал в испуг, увидев его, – хотя само его появление, безусловно, показалось мне ужасным и в какой-то степени даже отвратительным, – я просто наблюдал за его неторопливым передвижением, чуть приоткрыв глаза и затаив дыхание.

Он казался ненастоящим, плодом моей больной фантазии или результатом моего пограничного состояния, в котором я пребывал. Протяни я руку и коснись его, его очертания тут же размылись бы, словно отражение в воде, сам бы он распался на миллионы мельчайших тёмных искр. И не исходило от него никакой опасности, наоборот, почему-то мне почудилось, что он принёс мне благую весть, явился сообщить мне об освобождении. Ещё я представил, что совершенно случайно стал свидетелем того, как ангел-хранитель подкрадывается к постели спящего, дабы оберегать его сон, хоть, по правде сказать, он был далеко не похож на ангела.

Без единого звука он подошёл совсем близко, как будто я сам его попросил об этом, и остановился. А я всё так же продолжал лежать смирно, не подавая признаков беспокойства. Никаких резких движений, никаких звуков. Глаза мои по-прежнему были полуоткрыты, и без того тонкая грань сна становилась всё тоньше и тоньше. И вот мне уже было просто интересно, что ему от меня нужно, чего он так терпеливо выжидает. Лица его нельзя было различить, во всей его внешности вообще не проявлялось никаких деталей, он будто был полностью соткан из теней и тумана. Даже лунный свет, пробивающийся сквозь тучи и с любопытством заглядывающий в моё окно, не мог осветить моего ночного гостя. Возможно, оно и к лучшему, подумал я, наверняка его внешность отличается от человеческой и не способна вселять в сердца людей ничего, кроме ужаса.

Наконец он заговорил.

– Прошу простить мне мою навязчивость, мой друг, но я вынужден просить вас о помощи, – голос у него был мягкий и тягучий, словно пропущенный через шумовой фильтр.

– Чем же я могу помочь?

– Дело в том, – сказал он, – что случилась со мной страшная неприятность, у меня украли моё тело.

Я невольно вздрогнул и только теперь открыл глаза. И всё же разглядеть его мне не удалось. Он нависал надо мной, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, словно тяжёлое дерево на лёгком ветру.

– И как же, по-вашему, это могло произойти? – спросил я.

– Трудно сказать. Ведь я и до этого недоразумения достаточно долго пребывал вне собственного тела. Вот уже три года прошло с тех пор, как случился самый страшный кошмар в моей жизни, как я попал в кому.

– В кому?

– Именно. Все эти три года живо было только моё сознание, а физическая оболочка находилась, скажем так, в подвешенном состоянии. Если вы понимаете, о чём я.

Я кивнул. Не будучи уверенным, что он увидел это, я произнёс:

– Понимаю. Я хочу сказать, что могу ярко себе это представить.

– Да, – протянул он с досадой. – Но если раньше я хотя бы мог быть уверен, что эта самая физическая оболочка, присутствует, точнее, моё сознание присутствует в нём, то теперь это оказалось невозможным. Сегодня утром моего тела не стало. Я какое-то время провёл в не его, – не хочу утомлять вас рассказами о том месте, где собираются все, с кем случи-

лось похожее несчастье, это, знаете ли не так поэтично, как описывают многие обманщики – а когда я готов был вновь соединиться со своим телом, то обнаружил его отсутствие. Оно просто исчезло.

На время он умолк. Сообразив, что он на самом деле ждёт хоть какой-нибудь моей реакции, я высказал, пожалуй, самое логичное заключение, которое могло прийти мне в голову.

– Простите, но мне кажется, что ваше тело попросту не подавало больше признаков жизни. Другими словами, вас посчитали мёртвым. Почему вы исключаете такую возможность?

– Видите ли, мой друг, мне тоже это приходило на ум. Я первым делом проверил именно эту версию. Я был в морге. Там моего тела нет. А ведь я даже обратиться ни к кому не могу, чтобы задать им главный вопрос, понимаете? И самое обидное, но не менее странное в этом то, что никто даже не кажется озабоченным подобным исходом. Словно от меня уже давно отrekliсь все те, кому и тело моё и сознание были когда-то небезразличны. И даже врачи, как мне показалось, не тревожатся из-за этого. Из чего я сделал вывод, что они прекрасно знают, где находится моё тело.

Он вдруг рассмеялся. Не громко, но убедительно.

– Представляете, они ведь тоже не могут проинформировать меня, – добавил он сквозь хохот, – как и не могли заранее предупредить меня, куда они увозят то, что от меня осталось. Более того, они даже и подумать не могли об этом. Какой ужас, правда?

– Пожалуй, соглашусь, – не уверенно сказал я. Признаться, смена его настроения меня немного озадачила.

– Может быть, – осмелился предположить я, – вы слишком долго отсутствовали в своём теле. Вполне можно предположить, что за это время ваше тело предали земле. Это объясняет то, что вы не нашли его в морге и почему все вокруг никак на это не реагируют.

– Ну что вы? – провёл он. – Этого не может быть. Ведь я на самом деле не мёртв. В мире мёртвых, если такой и существует, меня нет. Я здесь. Сейчас я вот стою перед вами и с вами разговариваю. А насколько мне хватает знаний и представлений о той, загробной жизни, никто оттуда вести беседы с живыми людьми не может. Даже, когда являются в виде приведений. Я более чем уверен, что другие, отличные от этой, версии являются всего лишь выдумкой, не более. Это всё байки и детские страшилки. Да и к тому же, не думаете ли вы, что меня похоронили заживо?

– Ну да, – сказал я, пытаюсь голосом изобразить раскаяние за сказанное, – если следовать вашей логики, то это было бы именно так. Вас бы схоронили живьём, пока вы, грубо говоря, глубоко спали.

– Так вот и я о том же, – его голос снова помрачнел. – Поэтому единственное, в чём я сейчас искренне убеждён – это то, что тело моё всё-таки украли.

Я уже совсем проснулся. Протёр глаза, откашлялся и, кряхтя, как несмазанная дверная петля, попытался приподняться на локтях.

– Пойдите, – сказал я, – но зачем кому-то понадобилось ваше тело? Тем более, находящееся в коже. По-моему, это полнейший абсурд.

– Вот и мне совсем это не ясно. Сначала я подумал, что это сделано в наказание мне за что-то. Но потом я вспомнил, что и наказывать-то меня особо не за что, да и некому. Затем я предположил, что это банальная медицинская ошибка. Однако и тут меня ждало огорчение. Как вы уже предположили, меня по ошибки могли счесть мёртвым, но тогда бы и тело моё спокойно ждало своего часа в морге. А я уже сказал, что его там не было. Да и времени на самом деле прошло недостаточно много для того, чтобы меня успели закапать и отпеть.

Он на время замолчал, я же не знал, что сказать ему на это.

– Когда я окончательно сбился с толку, рассуждая обо всём этом, я не придумал ничего иного, как ждать. Но время шло, и ничего не происходило. Не превращаться же мне в блуждающую тень. Сами понимаете, в таком виде я мало что способен сделать самостоятельно.

И единственным верным решением, которое пришло мне в голову, было обратиться к тем, у кого и дух и тело ещё составляют единое целое.

– Проще говоря, к людям.

– Да, но, если помните, я не хотел бы исключать себя из числа живых людей. Понимаете, о чём я?

– Понимаю. Извините. А почему же вы обратились за помощью именно ко мне?

– Так тут всё просто, – сказал он, как мне показалось, улыбаясь. – Вы первый и, наверное, единственный, кто меня не испугался. А многие и вовсе не увидели меня или предпочли сделать вид, что не увидели. Знаете, как людям порой тяжело просто признаться себе хотя бы в том, что их что-то может напугать. Кутаются с головой в свои одеяла, закрываются от всего подушками или жмурятся сильнее, чтобы скорее уснуть, как будто это и в самом деле помогает. Как будто от этого страхи испаряются сами по себе. А почему, кстати, вы меня не испугались?

– Не знаю, – сказал я, немного помешкав. – Думаю потому, что ваше появление напугало меня меньше, чем осознание того, что возможно со мной уже никто никогда не заговорит и уж тем более попросит о помощи. Посмотрите на меня. Я лежу один, в отдельной комнате в доме для престарелых, скажем прямо, в забытом всеми богами месте. Мне далеко за семьдесят и все кругом считают меня если не последним негодяем, то уж точно каким-нибудь сумасшедшим, – тут и я не удержался от ироничного смешка. – И так последние лет пять. Так что ничего удивительного в моей реакции на ваше появление нету. Ведь и сам себя считаю чуточку тронутым. Наверно, поэтому и не испугался. Я, смешно признаться, даже рад, что вы здесь. Только вот, к сожалению, помочь я вам ничем не смогу, сами видите.

Он разочарованно вздохнул. Мне стало его по-настоящему жалко, будь он и всего лишь плодом моего воображения или привитого мне здесь сумасшествия. Этот фантом, стусок энергии, заблудившийся в мире всего осязаемого и материального, казался беспомощным ребёнком. Ребёнком, которого оставили одного слишком надолго, и он оказался один на один с незнакомым ему окружением. Безразличным и слабым.

– Какая досада, – прошептал он. – Только вы бы и могли мне помочь. Вряд ли я найду кого-то похожего на вас, мой друг. Кто бы не испугался и хотя бы спокойно выслушал.

У меня отчего-то защипало в носу, что-то стало резать в глазах. Но я сделал над собой усилие и выдавил из себя жалкое подобие улыбки.

– Может, точно такого же как я вы и не найдёте, но уверяю вас, продолжить поиски вам всё же стоит, – сказал я.

– Вы так думаете? – в его голосе прозвучала надежда.

– Я в этом уверен, – спокойно ответил я. – Найдётся ещё много таких, не сомневайтесь. Не обязательно, конечно, в местах подобных этому, но мир никогда не был беден на сумасшедших и одиноких, это уж точно. И таких даже больше, чем можно себе представить. Думаю, кто-то из них обязательно отзовётся на вашу просьбу. Иначе никак.

Он понимающе кивнул, а я устало вернулся в лежачее положение.

И тут мой ночной гость слегка склонился надо мной, несколько раз провёл лёгкой рукой по смятой простыне у самого края кровати, будто пытаясь заботливо стряхнуть с неё крошки или другой мусор, оставшийся от моего ужина, прошептал ещё что-то неразборчивое себе под нос, после чего, обращаясь снова ко мне, сказал:

– Всё равно спасибо, друг мой. Вы всё же помогли мне. Наверно, даже больше, чем я мог рассчитывать.

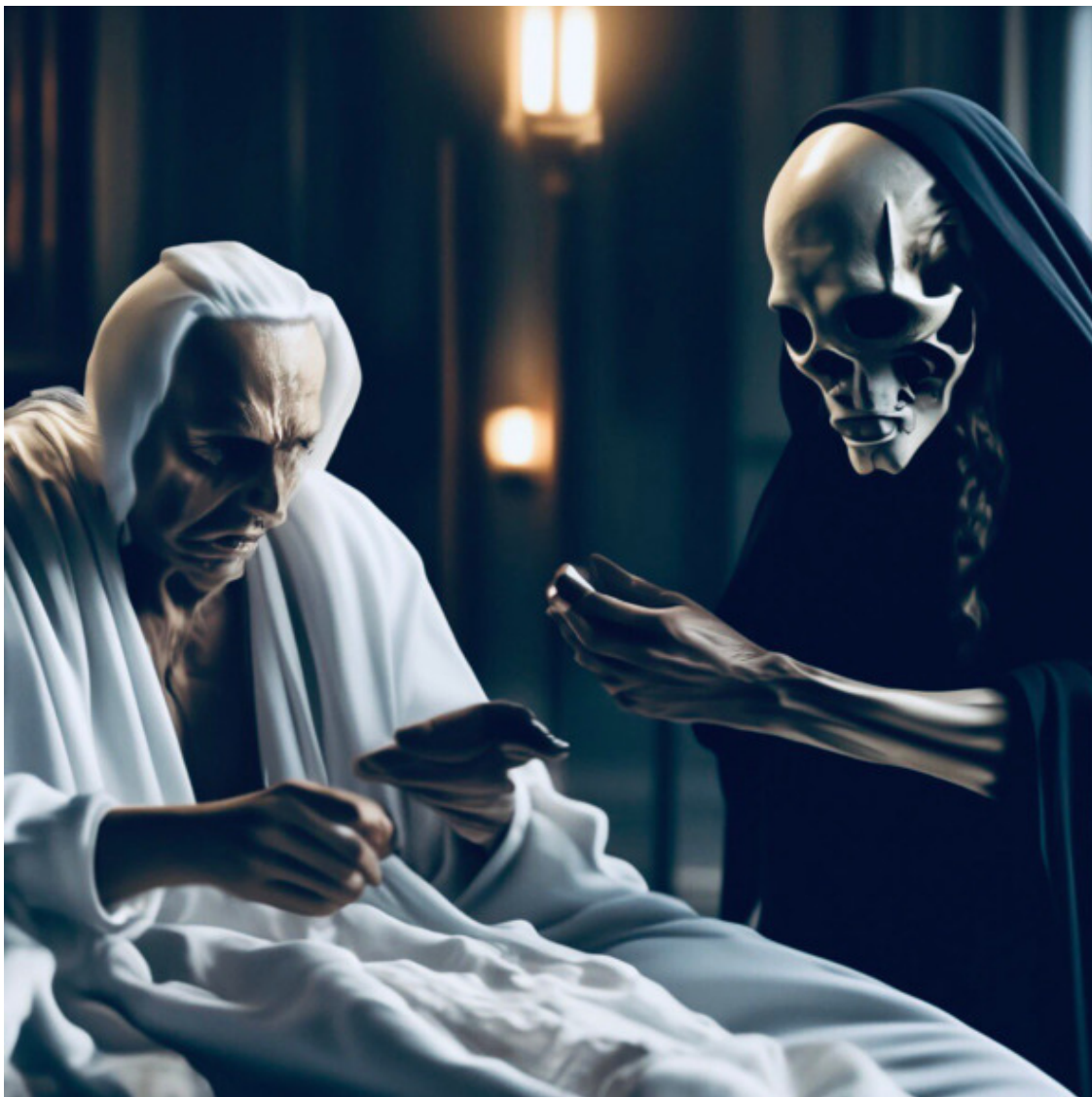
Он выпрямился и добавил:

– Когда я верну себе своё тело, обещаю, я постараюсь сохранить в памяти нашу с вами встречу.

Я не успел ничего ему ответить. Он отошёл от кровати, слился с ночными тенями, неторопливо раскачивающимися на стене, и исчез так же неожиданно и бесшумно, как появился.

Больше я не слышал от него ни звука. Ко мне вернулось спокойствие, такое давнее и почти забытое, что я не сразу поверил в то, что до этого странного визита я так отчаянно боялся своего собственного безумия. Теперь же я был абсолютно спокоен по этому поводу, ведь я понимал, что это единственное, что сможет спасти меня, если я когда-нибудь точно так же вернусь и не смогу найти своё тело.

Двое

В одной из палат, в самом дальнем крыле госпиталя Святого Иоанна, под потолком витали тусклые тени приближающейся ночи. Крылья их были невесомы, легки как перо, они едва касались старика, лежащего в постели, под двумя одеялами. Кожа его истончилась, бледные нитки вен слабо пульсировали под ней, больше напоминая разломы в земле, чем кровеносные сосуды. Глаза старика закрыты, голова сильно откинута назад. Он словно спал очень глубоким сном, только вместо ярких картинок в его сне царила темнота, наполняя его сознание непрерывным гулом, который, впрочем, кажется, не особо его тревожил.

Тишину в палате нарушало ритмичное попискивание приборов, к которым пожилой мужчина был подключён. Толстые трубки тянулись от изголовья кровати, спутывая всё его тело, словно древние путы; мерно нащёптывал аппарат искусственного дыхания, то вздымая, то тяжело опуская меха. Хрупкие пальцы старика, как ветки засохшего дерева, безжизненно свисали с края кровати. Его собственного дыхания и вовсе нельзя было увидеть, и вряд ли кто бы отважился возложить на всё это окружение хоть какую-то надежду, что он вернётся в мир за пределы этих стен.

На тумбочке по правую руку от старика, в высокой вазе стоял букет завядших цветов в почерневшей воде, над которым уже кружилась орда мелкой тли.

– Ты только взгляни на него, – сказал тот, что стоял у двери, весь сияющий, будто охваченный лучами восходящего солнца, – в нём совсем ничего не осталось от человека, которого мы знали.

– Ну, – сипло протянул второй, с головы до ног покрытый тёмной мантией, – скажем, ты его знал лучше, да и подольше моего. Мне его только несколько конов назад представили. А ты с ним практически всё время, что он жил.

Тёмный силуэт проплыл мимо кровати старика, не касаясь пола и встал у окна, закрыв собой свет. Они оба смотрели на умирающего человека, не решаясь больше произнести ни слова. Воздух в палате вдруг наполнился мелкими кристаллами льда, они звенели при каждом неосторожном движении и вот-вот сковали бы всё пространство вокруг, если бы с той стороны, с которой теперь стояла фигура в чёрном не исходила плотная дымка из тумана и пепла.

– Ты не оставляешь мне шанса, – сказал светлый. – Я должен на сей раз разнести тебя в пух и прах.

– Про прах это ты вовремя. Думаю, самое время продолжить наш спор. Чур, сегодня правила придумываю я.

– Уж это вряд ли, – улыбнулся первый. – Мы в прошлый раз играли по твоим правилам. Прости, но сегодня моя очередь.

Тёмный расхохотался.

– Да что ты! Скажешь тоже. Вспомни, неделю назад девочка с пороком сердца. Вспомнил? Кто тогда установил это дурацкое правило, каждый второй козырь бьёт весь кон? Я?

Светлый почесал лоб и громко хмыкнул.

– Это было в прошлый раз? Ты уверен?

– Абсолютно, – ответила мантия.

Светлый поморщил нос, будто что-то усердно вспоминая, прищурился и, тяжело вздохнув, сдался.

– Хорошо. Будь по-твоему. Сколько тебя знаю, вечно ты всё уравниваешь. Тебе будто и заняться больше нечем, как считать кто сколько раз, какие устанавливал правила.

Они замолчали и снова уставились на старика. Каждый думал о том, как бы полегче на этот раз обойти соперника.

– Но учти, – сказал тёмный, – больше поблажек не будет. Если кто-то закатывает истерику по поводу очевидного проигрыша, переигрывать и играть дополнительные коны мы не будем.

Светлый нехотя кивнул. Это было первым правилом. Всего допускались не более трёх основных правил на игру.

– Чья колода? – спросил светлый.

– Давай твоей, мне без разницы. Я просто нутром чую, сегодня моя возьмёт. Уж сегодня-то мы должны решить, кому он достанется.

– Согласен. Пока ему везёт.

Они терпеть не могли, когда у них случалась ничья. С этим стариком было именно так. Три раза к ряду.

– Ну, ничего, не переживай. Скоро я приберу его к рукам.

– Это мы ещё посмотрим, – криво улыбнулся светлый и бросил на одеяло старика колоду новых, ещё пахнувших небесной типографией карт. – Пусть решит удача, правильно ли он делает, что держится за меня или нет. Начинай.

Тёмный с нетерпением потёр руки, отчего пепел разлетелся по палате чуть дальше своих пределов. Светлый закашлял, отгоняя пепел от себя рукой, затем они оба опустили на корточки у кровати больного.

– Играем до трёх побед, – объявил тёмный, завершая раздачу.

– Так, – светлый сгрёб свои карты.

– И последнее – дама крестей бьёт любой козырь.

– О, батенька, да вы никак решили соригинальничать. Всегда была дама пик.

Тёмный стёр улыбку со своего лица – дабы скрыть удовлетворение от удачно пришедшей карты – и положил на еле заметно вздымающуюся грудь старика козырную карту. Бубновый туз.

– Так надо, – ответил он.

Они ещё раз бросили взгляд на человека, лежащего между ними, совсем как спортсмены на вожделенный кубок перед началом матча и приступили к игре.

Светлый, как обычно, ходил с мелких карт. Шестёрка черви. Тёмный с лёгкостью побил её десяткой, но был бит ещё одной десяткой, против которой тут же выкинул козырного валета. Светлый немного поразмыслил и скинул в битую. Тёмный же начал с козырного короля и не без удовольствия смотрел, как противник, кривя носом, забирает карту себе. Ещё один козырь. И снова Светлый забрал карту.

– Рискуешь? – спросил он.

Тёмный не ответил. Дальше он скинул всю мелочь, что была у него на руках и в эти несколько ходов они разошлись мирно. Однако следующим своим ходом Светлый совершил непростительную ошибку бросив на одеяло сразу две карты. Две дамы, одна из которых была дама крестей. И только, когда его оппонент с довольной усмешкой забрал карты к себе, он вспомнил одно из установленных недавно правил и понял, как сильно он поторопился.

– Вот же кара небесная! – в сердцах процедил он, хлопая по одеялу.

– Тише-тише, – успокаивал его Тёмный, косясь на приборы.

В колоде оставалось всего несколько карт, и зелёная линия на кардиомониторе стала заметно ровнее. Писк участился, меха аппарата искусственного дыхания замедлились.

– Внимательнее надо быть, – корил себя Светлый, стуча себя кулаком по лбу.

– Ещё не всё потеряно, мой друг. Мы только завершаем первую игру.

И, как уже стало понятно, первую игру взяла фигура в тёмной мантии. Пепел покрыл собой треть палаты, туман стал плотнее. Послышался совсем слабый, еле слышный стон старика, как будто он пытался что-то сказать сквозь тяжеленую завесу сна. Грудь его под одеялом стала прерывисто подниматься, как если бы его искусственно наполняли воздухом изнутри, и со свистом, потом медленно опустилась. Так повторилось раз три-четыре, затем он задышал ровнее.

Следившие за этим двое, спокойно вернулись к игре. Тёмный раздал карты и зашёл с восьмёрки пик. Затем Светлый несколько раз его атаковал более сильной картой, тот с силой отбивался, два раз брал себе почти все карты, что ему кидал Светлый и в итоге с треском сдал этот кон. Теперь, когда силы сравнялись и в палате тени снова уступили место свету, приборы стали работать исправно, будто их кто-то быстро и незаметно починил. Старик дёрнул веком, и им обоим показалось, что он вот-вот откроет глаза. Светлый приглушил свет, исходящий от него самого и зачем-то перешёл на шёпот.

– Вот теперь всё по-честному. Теперь есть все шансы, наконец, отыграться и дать этому бедолаге ещё один шанс.

– Никаких шансов, – отрезал Тёмный, перетасовывая колоду. – Остался последний кон и всё решится.

– Может, всё-таки как в прошлый раз, – упрашивающим голосом предложил Светлый, – до трёх побед подряд?

– Ещё чего? Мы же договорились. Или ты опять хочешь доиграться до ничьей? Нет уж, на сей раз так не пойдёт. И потом, правила установил я и даже не думай просить меня, чтобы я их пересмотрел.

– Да и ладно. Что это я, в самом деле, не уверен в своих силах что ли? Ты прав, прав. Пора уже окончательно решить, кому он достанется. Я, конечно, держусь за каждого из них, но не до такой же степени, в конце-то концов. Всё должно быть по-честному.

– К тому же, нужно уметь проигрывать, старина, – прохрипел Тёмный.

– Да-да, безусловно. Безусловно. Давай продолжим уже.

И первая карта нового кона упала на грудь старика. Светлый озадаченно посмотрел на неё, потом посмотрел в свои карты, нахмурил брови и недовольно хмыкнул. Подумал ещё несколько секунд и сделал ход. Тёмный рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.